

*Mainstreaming гендер на страницах академических журналов**Катерина Губа*

Рассуждения о достижениях гендерных исследований на постсоветском пространстве до сих пор остаются достаточно дискуссионными (при подготовке последней версии этой статьи были использованы результаты исследования, выполненного в рамках проекта «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года», чья реализация стала возможной, благодаря поддержке Центра фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ). С одной стороны, гендерная тематика постепенно получает признание в академической и образовательной сферах: в университетах читаются специализированные гендерные курсы, защищаются дипломы и диссертации внутри других дисциплин, растет число исследовательских проектов, значительно расширилась «география» гендерных исследований. С другой стороны, констатируется их маргинальность, когда значительная часть академического сообщества скептически относится к гендерной проблематике.¹ Все чаще звучат опасения по поводу самой номинации «гендерные исследования», которая, по мнению многих исследователей, становится удобной ширмой для традиционного подхода к изучению пола, теряя потенциал критического осмысления реальности.

Например, противоречивые процессы институционализации гендерных исследований социологи Елена Здравомыслова и Анна Темкина предлагают осмыслить в рамках двух сосуществующих стратегий: автономизации и интеграции. Автономизация предполагает создание замкнутого сообщества исследователей, тогда как интеграция – включение гендерных исследований в *mainstream* общественного дискурса с целью противостояния предполагаемой опасности их геттоизации.² Интегрируясь, новая исследовательская область получает право на легитимное существование внутри уже устоявшихся дисциплин. Одной из издержек такой стратегии становится неизбежная трансформация тематики, только пытающейся завоевать свое место в дискурсе постсоветских социальных наук. К такому роду издержек можно отнести появление названных Ольгой Ворониной «ложных» или «фальшивых» теорий гендера,³ указывающих, по мнению автора, на парадоксы «шестивия гендера» по стране (вернее, бывшему СССР).

Влияет ли развитие гендерных исследований в бывшем СССР на трансформацию академии? Для ответа на этот вопрос я предлагаю обратиться к анализу интегративных практик, связанных с публикацией текстов в академических *mainstream*-журналах.

Невозможно представить функционирование любой дисциплины без постоянного потока публикаций. В случае институционализации новой области именно журналы выполняют функцию легитимации нового знания. Например, в истории завоевания социологией своего места в академической среде роль, которую играли научные журналы, первостепенна: они не только предоставили место для распространения научных результатов, но создали само дисциплинарное поле, институционально закрепляя право на его существование.⁴ Описания институционализации гендерных исследований также содержат различные указатели на публикационную активность исследователей. И, более того, тысячи публикаций некоторые авторы называют одним из основных достижений гендерных исследований за последние десять лет.⁵

Подтверждая право на определенную нишу в научном дискурсе *mainstream*, существующие тексты представляют широкому научному сообществу ту или иную версию дисциплины. В то же время мы практически не знаем, какие версии гендерных исследований входят в эти «тысячи». Анализ «гендерных» статей в *mainstream*-журналах поможет создать представление о том, какие гендерные исследования представлены в основных журналах академического поля. Кто те агенты, которые создают легитимную версию дисциплины? Какая дисциплинарная тематика звучит на страницах журналов? Какими методами пользуются исследователи гендерных отношений? Ответив на эти вопросы, мы сможем увидеть реализацию стратегии интеграции этой новой области научного знания в одну из социальных дисциплин – социологию. Поэтому я буду говорить здесь только о двух *mainstream*-журналах – *Социологические исследования* и *Общественные науки и современность*.⁶ С начала девяностых именно в этих журналах появились отдельные рубрики, посвященные гендерной тематике – «Гендерные исследования» (*Социс*) и «Женщина в обществе» (*ОНС*). Кроме того, несколько раз редакция издавала специальные выпуски – в 2000 году (*ОНС*), 2000 и 2002 годах (*Социс*), пространство которых занимали исключительно гендерные исследования. Интенсивное «гендерное оснащение» этих двух *mainstream*-журналов позволяет лучше понять логику автономизации и интеграции как «внедрения» гендерных исследований в дискурс социологии в бывшем СССР.

Изучая данные статьи в вышеназванных *mainstream*-журналах, исследователь наталкивается на парадокс, находя совершенно разный материал, по неизвестным причинам объединенный в рубрику «Гендерные исследования». Это могут быть публикации, посвященные исследованию образа женщины в западноевропейской культуре, феминизации труда, положения сельской женщины, женщины и власти, гендерного контракта «работающая мать». Статьи имеют

различные, в том числе противоположные теоретические и методологические подходы. В результате мы можем окончательно убедиться в тщетности существования единой номинации «гендерные исследования» в бывшем СССР.

Появившиеся затруднения потребовали отдельных рассуждений о возможностях сегментации гендерного сообщества. Я позволила обратиться именно к ним для того, чтобы лучше аргументировать итоговые результаты данного исследования.

Гендерное сообщество: возможности когнитивной сегментации

Ситуация неопределенности, в которую попадает исследователь, пытающийся соотнести свое знание о гендерных исследованиях и то, что он встречает в *mainstream*-журнальных публикациях, иллюстрирует проблему неопределенности содержания и специфики гендерных исследований на постсоветском пространстве. Сложности, которые возникают с «хождением» гендера в бывшем СССР, не раз озвучиваются теми или иными представителями гендерного сообщества. В основном они касаются когнитивного принципа, воспользовавшись которым можно выделить, во-первых, традиционный подход, рассматривающий пол как данность, а женщин и мужчин как привычные социально-демографические категории. И, во-вторых, собственно гендерный подход, который ставит под сомнение естественность «быть женщиной или мужчиной», рассматривая пол как продукт властных отношений.⁷ Сосуществование настолько разных интерпретаций не может не сигнализировать о существовании дискурсивных различий внутри транснационального постсоветского гендерного сообщества. Междисциплинарный характер и наличие различных Гендерных центров в бывшем СССР также могут привести к понятийной путанице.

Несмотря на то, что сами гендерные исследовательницы и исследователи с тревогой озвучивают существующую демаркацию между «правильными» и «ложными, фальшивыми» гендерными исследованиями, не ясно, каким образом следует относиться к тому, что под единой категорией гендерных исследований скрываются тексты с противоположными подходами. Круглый стол «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР» в 2007 году, проведенный в Фонде Дж. Д. и Т. К. Макаруров и опубликованный в журнале *Гендерные исследования* № 15⁸ демонстрирует вышеназванную разницу подходов. Для контраста позволю себе озвучить две противоположные позиции, представленные соответственно известными профессорами Натальей Пушкаревой и Светланой Айвазовой. Первая позиция (Наталья Пушкаревой) содержит тезис о том, что мы должны терпимо относиться к гендерным исследованиям, которые базируются на традиционном подходе: «<...> мы должны быть понятыми, не отмахиваться от всех, кто нас не понял, звать их к диалогу, печататься в их

изданиях, встречаться на конференциях и летних школах». Иначе, по мнению исследовательницы, данная стратегия приведет к укреплению границ между разными сегментами, когда феминистки-единомышленницы будут собираться на одних научных форумах, а сторонники старых подходов – на других.⁹ Вторая позиция (Светланы Айвазовой) выглядит более категоричной: необходимо выдерживать принципиальное ядро феминистского подхода, отход от которого ведет к размытию изначальных концептов. В этом случае жесткая сегментация сообщества способствует скорее практикам автономизации, но именно данная стратегия, по мнению исследовательницы, позволяет сохранить концептуальную основу гендерных исследований, основанную в первую очередь на феминистской критике.

Каждая из озвученных позиций предполагает их реализацию через конкретные академические практики. Например, можно отказать в допуске к защите претендующих на маркировку «гендерных» диссертаций – несмотря на то, что в них использованы какие-то «гендерные слова».¹⁰ Или не приглашать «чужих» авторов к публикациям в «своих» изданиях. Наконец, можно выступать с критикой конкретных «ложных, или псевдогендерных» работ в публикационном пространстве, демонстрируя необоснованность их права называться «гендерными исследованиями».¹¹ При этом нетрудно заметить, что каждая из заявленных возможностей предполагает достаточно высокий академический статус исследовательницы/я, что дает ей/ему не только легитимное право проводить границы между сегментами, но и ресурсы для их практического закрепления. Для того чтобы «пропускать» или «не пропускать» диссертации, нужно как минимум быть членом докторского Ученого совета. Выпуск «своих» публикаций в *mainstream*-журналах также требует известной научной репутации и доступа к публикационным каналам. Казалось бы, в этом и состоит возможность решения сегментарного деления гендерных исследований на традиционные и собственно гендерные: представители гендерной элиты могут воспользоваться своим академическим статусом и концептуально определить (выстроить) границы между различными подходами.

К сожалению, на пути реализации такой стратегии возникают существенные ограничения. Главное из них заключается, в отличие от мнения Натальи Пушкаревой, в трудности определения представителей «гендерной элиты». Вероятно, сами ученые более или менее ориентируются в том сообществе, в котором им приходится взаимодействовать. Они высказывают мнение о происходящем, посещая разного рода академические события – конференции, семинары, летние школы, делая заметки в личных дневниках *on-line* и т.п.. Главный недостаток такой информации заключается в том, что ее невозможно перенести в другой гендерный сегмент: обычно мнению одной «гендерной элиты» доверяют только внутри одного сегмента гендерного сообщества, но подвергают дискредитации за его пределами.

Тогда мы обращаемся к более формальным символам академического статуса, которые легко транслируются в иные институциональные контексты. Перечнем этих символов выступает обычное академическое CV: ученая степень; профессиональные позиции, которые индивид занимал и занимает; публикации в определенных журналах и издательствах; членство в ассоциациях и посты в их правлениях, в редколлегиях журналов; исследовательские гранты, а также конференции и семинары, в которых он/она участвовали.¹² Но в этом случае парадокс состоит в том, что представители традиционного подхода, а отнюдь не те, кого Наталья Пушкарева назвала «гендерной элитой», оказываются в более благоприятной ситуации! Ведь именно они являются более статусными представителями академии, что подразумевает и более свободный доступ к распределению академических ресурсов, в том числе – и к публикациям в *mainstream*-журналах. В результате не так очевидно, чья позиция будет обладать большей легитимностью («элитностью»). Например, об одном из вариантов концептуального деления гендерного сообщества можно узнать из публикаций журнала *Гендерные исследования*, однако совсем другое вы обнаружите на страницах *mainstream*-журнала *Социологические исследования*. Во втором случае я имею в виду концепцию социогендерных исследований Галины Силласте, которая широко представлена в главном дисциплинарном журнале по социологии.

Согласно концепции Силласте, гендерные исследования¹³ рассматривают мужчин и женщин как индивидов, имеющих разную биологическую природу, психический склад, гендерные роли и культурно-символические функции.¹⁴ Автор концепции не указывает конкретные имена исследователей или научные Центры, соответствующие, по ее представлениям, «правильной» области гендерных исследований. В результате легко оказаться в затруднении, попытавшись соотнести теоретико-методологические позиции других исследовательниц/ей гендерных отношений с трактовкой Силласте.¹⁵ В то же время не стоит забывать о том, что сама автор обладает мощным («элитным») академическим ресурсом, в частности, в виде доступа к публикации на страницах *mainstream*-журнала *Социологические исследования*, тем самым предлагая широкому кругу непрофессиональных в гендерном отношении читателей-социологов собственную картину интеллектуальной сегментации гендерного сообщества.

Здесь не случайно речь зашла о статусе исследователя, заявляющего ту или иную научную позицию (в частности, Силласте). Ведь границы между разными видами исследований означают не просто различное маркирование подходов в интеллектуальном пространстве: они указывают не только на символический, но и на реальный капитал в научном дискурсе.

В частности, опасения за «чистоту» гендерного подхода во многом связаны с возросшим количеством публикаций, по которым в одних случаях судят о состоянии дисциплинарного развития гендерных исследований, а в других, – тщательно проводят границы между разными корпусами текстов, определяя

часть из них как несоответствующую своему названию. Как это, например, делает Елена Гапова: «<...> к нам приходят магистранты, которые только начинают заниматься гендерными исследованиями, они ведь «прошли» через весь этот ворох и первое время трудно объяснить, почему книжки такого-то Центра пока не читайте. Читайте вот это и это».¹⁶ Поэтому, несмотря на то, что количество публикаций рассматривают как одно из средств легитимации новой дисциплинарной области, все чаще ученые обращаются к ним как к основанию ее сегментирования.

Когнитивная сегментация сообщества – так же, как и проблема определения «правильных» или «ложных» гендерных исследований – становится особенно важной на страницах *mainstream*-журналов, когда последние через редакторские политики легитимизируют ту или иную версию гендерных исследований. Я предлагаю посмотреть на эти версии более подробно.

Академические *mainstream*-журналы: авторы и публикации

Анализ публикаций обычно отличается рядом преимуществ: ссылки легко и удобно считать, при этом они всегда находятся в прямом доступе исследователя. Однако в этот раз, пытаясь воплотить в реальность свои исследовательские замыслы, я не раз испытывала некоторые затруднения. Первоначально было задумано отбирать все статьи, которые редакция *mainstream*-журнала публикует в отдельной рубрике «Гендерные исследования» – так же, как в специальных тематических выпусках. На практике все оказалось намного сложнее. Например, в *Sojourn* статьи с гендерной тематикой появляются не только в отдельных рубриках, но и «распылены» по всему журналу. Здесь я следовала маркировкам самой редакции, определяющей их как «гендерные». Кроме того, учитывались статьи, представленные в иных рубриках, но которые также маркировали себя как гендерные через название или текст (упоминалось слово «гендер» и его производные). Несмотря на то, что критерии исследования были мною установлены, постоянно возникали сомнения при классификации текстов. Приходилось не раз отвечать на вопрос: действительно ли эта публикация должна входить в библиографию по гендерным исследованиям? Интересно, что такие вопросы возникали не только при просмотривании содержания всего журнала, но и при чтении статей, содержащихся в изначально определенной «гендерной» рубрике.

Трудности того же характера возникали при определении характеристик статей для того, чтобы понять некоторые особенности их публикаций. Анализ строился на фиксировании трех параметров. Во-первых, в зависимости от наличия эмпирических данных публикация относилась к «эмпирической» или «теоретической» категории. Во-вторых, тематическое разнообразие отразилось в наборе исследовательских областей, список которых определился в ходе чтения.

В-третьих, кодированию подверглись методы, используемые авторами публикаций. Зачастую тексты оказывали сопротивление, не укладываясь в задуманную рамку: некоторые из них невозможно было отнести ни к одной из категорий. Поэтому заметная часть вошла в группу «не определено», что уже достаточно показательно. Схема в целом носит сильно упрощенный характер. Но даже эти простые категории превращали отбор данных из механического учета статей в постоянное вопрошание и отслеживание собственных, обычно не подвергаемых сомнению исследовательских решений.

Итак, более широко гендерная тематика представлена в журнале *Социс*, где с начала девяностых публикуются статьи в специальной рубрике «Гендерные исследования». Интересно, что названия рубрики менялись несколько раз: от «Гендерных исследований» и «Гендерной социологии» до «Гендерных исследований и социологии семьи». Данная трансформация названий указывает, с моей точки зрения, на неопределенность даже в названии новой дисциплинарной области. Редакторы, каждый раз переопределяя название, в конце концов, остановились на том, что стали рассматривать гендерную тематику как реализацию гендерного подхода в различных отраслях социологии, все чаще публикуя «гендерные» статьи внутри более традиционных рубрик. В одних случаях эти рубрики получают видоизмененное название – например, «Экономическая социология: гендерные аспекты» или «Социология массовой коммуникации: гендерные аспекты». В других случаях встречаются статьи представителей известных Гендерных центров, опубликованные в рубриках, обычно не маркированных как гендерные, начиная, например, с такого раздела, как «Первые шаги» и заканчивая «Военной социологией». В результате мы можем сказать, что редакция не склонна рассматривать гендерные исследования как субдисциплинарную часть социологии; скорее, представители редакции трактуют категорию гендера как добавление нового аспекта в традиционные исследования.¹⁷ Такова интегративная стратегия включения гендерной тематики в основной журнал по социологии, то есть в социологический *mainstream*: одновременно предоставляя гендерным исследованиям отдельное место, они стремятся распространить их в другие, уже устоявшиеся дисциплинарные области, тем самым передавая им часть их легитимности.

Всего за период с 1994 по 2006 годы в *Социсе* было опубликовано 109 статей, которые были отнесены к гендерной тематике (далее смотрите таблицы в приложении). Статьи представительниц и представителей основных Гендерных центров,¹⁸ о которых пишут, например, западные исследователи институционализации гендерных исследований в бывшем СССР, практически не представлены. Не имеет даже смысла говорить о процентах: по одному разу встречаются публикации МЦГИ (М. Баскакова), публикации из Твери и Иваново (О. Хасбулатова и Л. Егорова); две публикации у ХЦГИ (В. Суковатая); три раза опубликовались представители гендерной программы Европейского

Таблица №1 Институциональная аффилиация авторов

Институты	Социс	ОНС
МЦГИ	1	2
ХЦГИ	2	4
Иваново	1	1
ЕУ	3	1
РАН	31	11
Тверь	1	1
Саратов	3	0
Самара	4	1
Московские вузы	17	6
Питерские вузы	4	2
Региональные вузы	28	4
Преобразование	0	4
Другое	14	12
Всего	109	49

университета в Санкт-Петербурге (Ж. Чернова, Е. Здравомыслова и А. Темкина), саратовского Центра социальной политики и гендерных исследований (П. Романов и Е. Ярская-Смирнова) и четыре раза – самарского Центра гендерных исследований (И. Тартаковская и Н. Козина). При этом даже эти немногие публикации представлены по большей части в специальных выпусках.

Когда в центральном социологическом журнале так мало представлены работы представительниц и представителей Гендерных центров, их место занимают различные институты РАН (треть всех публикаций – 31 статья). В первую очередь следует отметить Институт социологии РАН (главные «вкладчики» – Т. Гурко и О. Исупова); также публикуются исследователи из ИКСИ РАН, Института антропологии и этнографии РАН, различных региональных отделений (Нижний Новгород, Новосибирск). Примерно еще треть публикаций приходится на различные региональные ВУЗы – 28 статей. Также активно публикуются московские университеты, которые имеют 17 публикаций – правда, треть из них принадлежит опять же Силласте, которая опубликовала наибольшее количество статей в журнале *Социс*.

Таблица № 2. Распределение статей по наличию эмпирических данных

Характер статьи	Количество	
	ОНС	Социс
«теоретический»	38	14
Эмпирический	11	95
Всего	49	109

Институциональный срез публикационной активности по гендерным исследованиям показывает, что интеграция гендерной тематики реализуется не столько через включение «новых» Гендерных центров, сколько через появление «гендерного» аспекта в традиционных областях социологических исследований. В результате на страницах *Социса* гораздо больше публикуются результаты исследований представителей «старой» академии. При этом нетрудно заметить, что институциональная близость редколлегии к Институту социологии РАН позволяет публиковать членов именно своей институции.

Однако если в интеграции гендерной тематики в социологию участвуют традиционные академические институты, то вероятней всего предположить и трансформацию содержания самой дисциплины гендерные исследования!

В первую очередь для *Социса* характерны статьи, представляющие исследовательские результаты, основанные на эмпирических данных (лишь 14 статей из 109 не содержали эмпирических данных). При этом заметная часть публикаций (почти половина) характеризуются использованием количественных опросных методов: анкетирования и метода стандартизированного интервью. Качественные методы и дискурс-анализ применяют значительно реже (Таблица №3). Исследования, носящие не социологический характер, практически не встречаются в журнале, что и следовало ожидать, учитывая его традиционным образом понимаемую дисциплинарность. И хотя обычно при определении характеристик гендерных исследований чаще всего указывают на их приверженность к качественной методологии,¹⁹ в журнале *Социс* мы наблюдаем безусловное преобладание количественной методологии.

Среди публикуемых статей особенно заметно представлены исследования в экономической сфере, изучающие гендерные аспекты трудовой занятости, стратегии на рынке труда или женщин-руководителей (Таблица №4). В специальном номере по гендерным исследованиям отдельная рубрика была посвящена гендерному измерению экономической социологии; позже она появлялась и в других, уже обычных номерах. Довольно часто авторы *Социса* обращаются к изучению приватной сферы, куда можно отнести семейные отношения, домашнее разделение труда, вопросы репродуктивного, брачного, сексуального

Таблица № 3. Распределение статей по сфере исследования

Сфера	Социс	ОНС
экономика: сфера трудовой занятости	43	5
правовая и политическая сфера	11	4
приватная сфера: репродукция, семья, телесность, сексуальность, повседневность	28	7
развитие гендерных исследований	2	11
символические репрезентации	5	1
феминология (образ и положение женщины)	5	15
Другое	14	6

Таблица № 4. Распределение статей в зависимости от используемого метода

Методы	Количество публикаций	
	ОНС	Социс
опрос: анкетирование, стандартизированное интервью	5	50
неформализованное интервью	2	18
опрос вместе с интервью	1	6
дискурс-анализ	1	4
Не социологическое исследование: культурологическое, историческое, философское, филологическое	22	3
статистика, вторичный анализ	3	18
Не определено	15	5
контент-анализ	0	2
Другое	0	3
Вместе	49	109

поведения. Эта сфера частично пересекается с социологией семьи, что находит отражение даже в названии рубрики – «Гендерные исследования. Социология семьи». Намного меньше представлена публичная сфера политики (всего 11 публикаций), где анализируется положение женщин в политической сфере, вопросы, связанные с государственной политикой и правовыми моментами. Некоторое внимание исследователи уделяют символическим репрезентациям мужественности и женственности – правда, исключительно в сфере массовой коммуникации (гендер в рекламных технологиях).

Вышеописанное позволяет легко представить наиболее распространенный вариант «гендерной» публикации в центральном социологическом журнале: исследование будет выполнено представителем традиционного академического сообщества (например, Института социологии), следуя актуальной современной тематике экономической социологии с применением количественных опросных методов. Безусловно, этот «портрет» предпочтительного исследования для публикации в *Социссе*, созданный на основе количественных показателей, представляет собой утрированный образ. Но он дает нам возможность увидеть, каким образом происходит интеграция гендерной тематики как в институциональный, так и тематический социологический *mainstream*. Наиболее представлены количественные методы в виде традиционных опросов, что не совсем соответствует заявке дисциплины «гендерные исследования» на использование качественной методологии. Все это ставит вопрос о том, можем ли мы вообще говорить о том, что публикации в социологических *mainstream*-журналах действительно реализуют стратегию интеграции гендерного сообщества в дискурс социологии и шире – социальных наук? Ведь зачастую они совсем не похожи на те гендерные исследования, с которых начиналась их институционализация в бывшем СССР...

Если сравнивать поток публикаций в журнале *Общественные науки и современность*, то на формальном уровне мы найдем больше различий, чем сходств по сравнению с *Социссом*. Хотя здесь также можно найти специальную рубрику «Гендерные исследования», однако она присутствует не в каждом номере, а если присутствует, то содержит не больше двух статей одновременно. Обычно «гендерные» статьи сосредоточены именно в этой рубрике, изредка их можно найти в рубрике «Культура» (5 статей из 49). Это говорит о том, что редакция журнала предоставляет для гендерных исследований отдельное/автономное пространство существования, а не стремится интегрировать их в уже существующие рубрики. В 2000 году *ОНС* выпустил специальный выпуск, посвященный исключительно исследованиям по гендерной тематике. С этого же времени рубрика «Женщина в обществе» стала называться собственно «Гендерными исследованиями», что также говорит о стремлении к переопределению самой номинации данной тематической области. Интересно, что редакторы рассматривали статьи, появившиеся в новой рубрике «Гендерные исследования», как прямое продолжение прежней.

В случае *ОНС* распределение авторов по академическим Институтам РАН по сравнению с *Социсом* выглядит более сбалансированным: нет ярко выраженного доминирования одного Института социологии. Из московских ВУЗов мы не найдем здесь, например, Финансовой академии при правительстве РФ, в которой преподает Силласте. В то же время основные Гендерные центры и в этом *mainstream*-журнале также представлены в небольшом количестве (см. Таблицу №1). Чаще всех встречается ХЦГИ, несколько публикаций принадлежат МЦГИ, всего по одной статье опубликовали Иваново, Тверь, Самара и Санкт-Петербург (ЕУ). Таким образом, в обоих журналах читатель лишь изредка встречает статьи авторов из независимых Гендерных центров (25 из 158 статей). Означает ли это, что представители Гендерных центров как новых независимых институций сами не стремятся публиковаться в *mainstream*-журналах, предпочитая альтернативные каналы публикаций (например, иностранные журналы, коллективные сборники или собственные издания – *Гендерные исследования* и *Женщина и Россия*)? Или они лишены доступа к публикациям в *mainstream*-журналах? Ответы на эти вопросы требуют отдельного исследования, здесь я лишь могу привести некоторые предположения. Например, анализ публикационной активности ЦНСИ, указавшего гендерные исследования в списке своих приоритетных интересов, свидетельствует о том, что его сотрудники и сотрудницы чаще всего выбирают для своих публикаций петербургские (собственно ЦНСИ или дружественного Европейского университета в СПб) или зарубежные сборники, и лишь в последнюю очередь – российские *mainstream*-журналы. Вероятно, предположение²⁰ о том, что наличие собственных *свободных* публикационных каналов позволяет исследователям избегать сотрудничества с *контролирующими* российскими изданиями, не исчерпывает всей картины производства независимого знания в бывшем СССР, но в отдельных случаях достаточно близко к реальности.

Статьи в *ОНС* по гендерной тематике во многом отличаются от публикаций в *Социсе*. Для них более характерно представление результатов исследований, не связанных с получением эмпирического материала. Из 49 статей только 11 публикаций содержали эмпирические данные, полученные социологическими методами. Собственно социологических исследований можно найти не так много (лишь пятая часть от общего числа публикаций). Исследования, выполненные в рамках исторического, культурологического или филологического анализа, встречались чаще. Более того, в варианте *ОНС* экономическая и политическая сфера анализа уступает место статьям, анализирующим образ и положение женщины в литературе и истории; частые исследовательские темы – «женщины в науке», «женщина и власть в России», «женский роман или женская литература» и т.д. Методология, на которой они базированы, – так называемое «добавление» женщины в традиционные исследовательские направления. Если бы рубрика продолжала называться по-прежнему «Женщина в обществе», то ее научная неопределенность могла бы оказаться снятой. Возможно, в таком

случае и сами авторы не стремились бы любое «женское» исследование назвать «гендерным».

Междисциплинарная направленность *ОНС* обнаруживает несколько парадоксов. Первый: несмотря на то, что видимой кажется стратегия интеграции, реальной оказывается автономизация гендерных исследований со своим четко локализованным местом, ведь редакция не стремится включить публикации по гендерной тематике в другие тематические рубрики. Второй: неправильно понятая междисциплинарность исследований женщин в культуре, истории, литературе и пр. не всегда соответствует заявке не представленных в этих журналах представительниц и представителей Гендерных центров на деконструкцию отношений власти в обществе.

Таким образом, провозглашенная на уровне стратегии риторика интеграции гендерных исследований на страницах академических журналов на практике принимает противоречивый характер. Для *Социса* как главного дисциплинарного журнала по социологии характерно стремление редакции ассимилировать гендерные исследования внутрь общего потока публикаций, следовательно, и дисциплины в целом. Парадокс при этом состоит в том, что в этой стратегии интеграции теряется основной критический посыл, который содержится в работах представительниц независимых Гендерных центров. В случае по видимости междисциплинарного издания *ОНС*, напротив, можно говорить об обособлении гендерной тематики через создание для нее автономного пространства. Однако и в том, и в другом случае мы сталкиваемся с консервативностью традиционной академии и, соответственно, совершенно разными версиями гендерных исследований, одинаково претендующими на единую номинацию.

Именно традиционные академические элиты, являясь консервативными, защищают свои позиции. Кажется, что преодолев защитный барьер со стороны традиционной академии, новое знание может получить право на легитимацию с помощью специальных интегративных практик. Поэтому обычно стратегию интеграции рассматривают как необходимое условие для включения гендерных исследований в социологический, шире – общественный *mainstream*-дискурс. Однако основной парадокс такой стратегии интеграции состоит в том, что признание нового знания и включение его в «нормальную», «традиционную», «академическую» дисциплину трансформирует его содержание, приспособляясь к нормативности уже устойчивого консервативного знания. Легитимная дисциплина пытается выправить «неправильность» угрожающего ей исследовательского поля, превратив его в «нормальное», непротиворечивое и непроблематичное. Иногда изменения выглядят незначительными, но в иных ситуациях они касаются самой сущности нового знания, превращая такую интеграцию в «самоубийственную» по своим последствиям.²¹

И здесь сложно различить, в каком случае академические *mainstream*-журналы лишь отражают вымывание феминистского содержания гендерных

исследований, а в каком сами создают условия для продвижения традиционных гендерных исследований. Мы видим лишь конечный результат. Поэтому не просвещенному в отношении гендера читателю-социологу основных академических *mainstream*-журналов трудно будет не согласиться с тем, что «гендер» сегодня у нас – это все, что «про мужчин и женщин», «про любовь», «семью» – словом, <...> про «все богатство отношений между мужчиной и женщиной». ²²

- 1 Подробнее об институционализации гендерных исследований смотрите, например: Е. Здравомыслова, А. Темкина, «Институционализация гендерных исследований в России», в кн.: М.М. Малышева, ред., *Гендерный калейдоскоп* (МЦГИ, 2000); З.А. Хоткина, «Гендерным исследованиям в России – десять лет», *Общественные науки и современность*, 2000, № 4.
- 2 Е. Здравомыслова, А. Темкина «Автономизация гендерных исследований в транс-национальном пространстве: феминистские практики», *Гендерные исследования*, 2007, №15.
- 3 О ложной теории гендера пишет О. А. Воронина, «Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе», *Общественные науки и современность*, 2000, № 4.
- 4 В случае французской социологии смотрите В. Каради, «Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюргейма», *ЖССА*, 2004. Том VII. № 5. История American Journal of Sociology указывает на роль журнала, выстраивающего вокруг себя новую дисциплину: Abbott A. *Department and Discipline: Chicago Sociology at One Hundred* (Chicago: The University of Chicago Press, 1999).
- 5 З. Хоткина, «Первый юбилей российских гендерных исследований – нам 10 лет!» Доступно: http://www.owl.ru/win/books/dbras_who_is_who/10years.htm
- 6 Различные показатели указывают на то, что *Социологические исследования* являются центральным дисциплинарным журналом для социологического поля. Журнал *Общественные науки и современность* представляет собой вариант менее выраженной дисциплинарности.
- 7 Разделение на «свои» и «чужие» не раз озвучивалось, например, на Круглых столах «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР», *Гендерные исследования*, 2007, №15 и «“Doing gender” на русском поле: круглый стол», *Гендерные исследования*, 2005, №13
- 8 «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР», *Гендерные исследования*, 2007, №15

- 9 Наталья Пушкарева, «Гендерные исследования в истории и этнологии: пока только «воображаемое»?», *Гендерные исследования*, 2007, №15, с.171-172
- 10 «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР», с.65.
- 11 Такие попытки можно найти во многих публикациях, посвященных развитию гендерных исследований. Например, Елена Гапова упоминает формально отнесенную к гендерным исследованиям книгу Ивановой *Храбрейшие из прекрасных: Российские женщины в войнах*, но патриархатную по своей сути. Я также могла бы привести несколько показательных публикаций, которые по тем или иным причинам были опубликованы как гендерные исследования. Смотрите, например, статью, появившуюся в «гендерной» рубрике журнала *Социологические исследования*. Следующей цитаты, вероятно, будет достаточно: «Не в характере русской женщины грубость, размашистый шаг, громкая речь, умение красиво говорить с трибуны, оживленно жестикулировать, привлекать к себе внимание. Не только иностранцы, но и мы любим наших женщин за другое: мягкость, уважительное отношение к окружающим, способность смущаться, застенчивость». П. Б. Красовский, «Амазонки за рулем», *Социс*, 2000, № 9.
- 12 Подробнее об академическом статусе и связанных с ним разного рода символах смотрите у М. Соколова, «Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии», *Антропологический форум*, 2009, № 9.
- 13 Гендерным исследованиям противопоставляются социогендерные исследования, изучающие мужчин и женщин как крупные социогендерные общности в социальной структуре населения. Подробнее смотрите Г. Силласте «Гендерная социология как частная социологическая теория», *Социологические исследования*, 2000, №11.
- 14 Г. Силласте «Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы», *Социологические исследования*, №9, 2004
- 15 Более подробную критику смотрите у С. Ушакина «Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме», *Поле пола* (Вильнюс, 2007).
- 16 “Doing gender” на русском поле: круглый стол, с. 192.
- 17 «От редакции» *Социологические исследования*, 2000, №11.
- 18 На основе статей о развитии ГИ на постсоветском пространстве я включила в анализ следующие Гендерные центры: МЦГИ, ХЦГИ, Европейский университет в СПб, Саратов, Самара, Иваново и Тверь. Хотя, безусловно, теоретическая направленность указанных Центров различается между собой.

- 19 Е. Здравомыслова, А. Темкина «Институционализация гендерных исследований в России», в кн.: М.М. Малышева, ред., *Гендерный калейдоскоп* (МЦГИ, 2000).
- 20 Предположение основано на данных (интервью с ключевыми информантами и анализ академических CV), полученных в рамках проекта «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года».
- 21 См. «Doing gender» на русском поле: круглый стол, с. 195.
- 22 Г. Брандт, «Гендерные исследования в России: особенности и проблемы», *Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов* (Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003).